

Лезвия

Сергей Лукьяненко

Сумеречный
Дозор

Издательство АСТ
Москва

Данный текст безразличен делу Света.

Ночной Дозор

Данный текст безразличен делу Тьмы.

Дневной Дозор

История

Ничье
время

Пролог

Настоящие дворы исчезли в Москве где-то между Высоцким и Окуджавой.

Странное дело. Даже после революции, когда в целях борьбы с кухонным рабством в домах ликвидировались кухни, на дворы никто не покушался. У каждой гордой «сталинки», развернувшейся потемкинским фасадом на ближайший проспект, обязательно был двор — большой, зеленый, со столиками и скамейками, с дворником, скребущим асфальт по утрам. Но пришла пора панельных пятиэтажек — и дворы съжились, полысели, когда-то степенные дворники сменили пол и превратились в дворничих, считавших своим долгом отодрать за ухо расшалившихся мальчишек и укоризненно выговорить вернувшимся пьяненькими жильцам. Но все-таки дворы еще жили.

А потом, будто откликаясь на акселерацию, дома потянулись вверх. От девяти этажей до шестнадцати, а то и до двадцати четырех. И будто каждому дому отводился в пользование объем, а не площадь — дворы усохли до самых подъездов, подъезды открыли двери прямо на проезжие улицы, дворничихи исчезли, сменившись работниками коммунального хозяйства.

Нет, позже дворы вернулись. Но, будто обидевшись на быстрое небрежение, далеко не ко всем домам. Новые дворы были опоясаны высокой оградой, на проходных сидели подтянутые молодые люди, под английским газоном прятались подземные паркинги. Дети на этих дворах играли под присмотром гувернанток, пьяных жильцов извлекали из «мерседесов» и «БМВ» ко всему привычные телохранители, а мусор с английских газонов новые дворники подчищали маленькими немецкими машинками.

Этот двор был из новых.

Многоэтажные башни на берегу Москвы-реки знали по всей России. Они стали новым символом столицы — вместо потускневшего Кремля и превратившегося в рядовой магазин ЦУМа. Гранитная набережная с собственной пристанью, отделанные венецианской штукатуркой подъезды, кафе и рестораны, салоны красоты и супермаркеты, ну и, конечно же, квартиры по две-три сотни метров. Наверное, новой России нужен был такой символ — помпезный и кичовый, будто толстая золотая цепь на шее в эпоху первичного накопления капитала. И не важно, что большая часть давно купленных квартир стояла пустой, кафе и рестораны были закрыты до лучших времен, а о бетонную пристань били грязные волны.

Человек, теплым летним вечером прогуливающийся по набережной, золотой цепи никогда не носил. У него было хорошее чутье, вполне заменявшее вкус. Он вовремя сменил спортивный костюм «Адидас» китайского пошива на малиновый пиджак, первым отказался от малинового пиджака в пользу костюма от Версачи. Он даже спортом занимался с опережением — забросив теннисную ракетку и перейдя на горные лыжи на месяц раньше всех кремлевских чиновников... даром что в его годы с удовольствием на горных лыжах можно только стоять.

И жить он предпочитал в особняке в Горках-9, посещая квартиру с окнами на реку только с любовницей.

Впрочем, от постоянной любовницы он тоже собирался отказаться. Все-таки возраст не победит никакая виагра, а супружеская верность начинала входить в моду.

Водитель и охранник стояли достаточно далеко, чтобы не слышать голос хозяина. Впрочем, если ветер и доносил до них обрывки слов — что в этом странного? Почему бы человеку и не поговорить самому с собой на исходе трудового дня, стоя в полном одиночестве над плещущими волнами? Нет более понимающего собеседника, чем ты сам.

— И все-таки я повторяю свое предложение... — сказал человек. — Снова повторяю.

Тускло светили звезды, пробившиеся сквозь городской смог. На другом берегу реки зажигались крошечные окошки лишенных двора многоэтажек. Из красивых фонарей, тянущихся вдоль пристани, горел каждый пятый — и то лишь по поводу блажи большого человека, вздумавшего прогуляться у реки.

— Снова повторяю, — тихо сказал человек.

О набережную плеснула волна — и с ней пришел ответ:

— Это невозможно. Абсолютно невозможно.

Человек на пристани не удивился голосу из пустоты. Кивнул и спросил:

— А как насчет вампиров?

— Да, это вариант, — согласился невидимый собеседник. — Вампиры могут вас инициировать. Если вас устроит существование нежити... нет, я не буду врать, солнечный свет им неприятен, но не смертелен, да и от ризотто с чесноком отказываться не придется...

— Тогда что? — спросил человек, невольно поднося руку к груди. — Душа? Необходимость пить кровь?

Пустота тихо засмеялась:

— Всего лишь голод. Вечный голод. И пустота внутри. Вам это не понравится, я уверен.

— Что еще? — спросил человек.

— Обратни, — почти весело ответил невидимка. — Они тоже способны инициировать человека. Но и обратни — низшая форма Темных Иных. Большую часть времени все прекрасно... но когда приступ приближается, вы не сможете себя контролировать. Три-четыре ночи в месяц. Иногда меньше, иногда больше.

— Новолуние, — понимающе кивнул человек.

Пустота снова засмеялась:

— Нет. Приступы обратней не связаны с лунным циклом. Вы будете чувствовать приближение безумия за десять — двенадцать часов до момента превращения. Но точного графика вам никто не составит.

— Отпадает, — холодно сказал человек. — Я повторяю свою... просьбу. Я хочу стать Иным. Не низшим Иным, которого охватывают приступы животного безумия. Не великим магом, творящим великие дела. Самым обычным, рядовым Иным... как там по вашей классификации? Седьмого уровня?

— Это невозможно, — ответила ночь. — У вас нет способностей Иного. Ни малейших. Можно научить играть на скрипке человека, лишённого музыкального слуха. Можно стать спортсменом, не имея к тому никаких данных. Но Иным вы не станете. Вы просто другой породы. Мне очень жаль.

Человек на набережной засмеялся:

— Не бывает ничего невозможного. Если низшая форма Иных способна инициировать людей — то должен существовать и способ превратиться в мага.

Темнота молчала.

— Кстати, я не говорил, что хочу стать Темным Иным. Я не испытываю никакого желания пить невинную кровь, гоняться в полях за девственницами или с мерзким хихиканьем наводить порчу, — раздраженно сказал человек. — Куда с большим удовольствием я стану совершать добрые дела... в общем — ваши внутренние разборки мне совершенно безразличны!

Мозды

История первая • Ничье время

Пролог

— Это... — устало сказала ночь.

— Это ваша проблема, — ответил человек. — Я даю вам неделю. После этого я хочу получить ответ на свою просьбу.

— Просьбу? — уточнила ночь.

Человек на набережной улыбнулся:

— Да. Пока я лишь прошу.

Он повернулся и пошел к машине — «Волге», которая вновь войдет в моду примерно через полгода.

Глава 1

Даже если любишь свою работу — последний день отпуска навевает тоску. Еще неделю назад я жарился на чистеньком испанском пляже, вкушал паэлью (если честно — узбекский плов вкуснее), пил в китайском ресторанчике холодную сангрию (и как так получается, что китайцы национальный испанский напиток готовят лучше аборигенов?) и покупал по магазинчикам всякую курортную сувенирную ерунду.

А теперь вновь была летняя Москва — не то чтобы жаркая, но томительно-душная. И последний день отпуска, когда голова отдыхать уже не способна, но работать отказывается наотрез.

Может быть, поэтому звонок Гесера я встретил с радостью.

— Доброе утро, Антон, — не представляясь, начал шеф. — С возвращением. Узнал?

С каких-то пор звонки Гесера я начал чувствовать. Будто менялась трель телефона, обретала требовательный, властный оттенок.

Но говорить шефу об этом я не спешил.

— Узнал, Борис Игнатьевич.

— Один? — спросил Гесер.

Ненужный вопрос. Уверен, что Гесер прекрасно знает, где сейчас Светлана.

— Один. Девочки на даче.

— Хорошее дело, — вздохнул шеф на том конце трубки, и в голосе его появились совсем человеческие нотки. — Ольга вот тоже утром в отпуск улетела... половина сотрудников на югах греется... Ты мог бы сейчас подойти в офис?

Ответить я не успел — Гесер бодро сказал:

— Ну и прекрасно! Значит, через сорок минут.

Очень хотелось обозвать Гесера дешевым позером — конечно, положив вначале трубку. Но я промолчал. Во-первых, шеф мог услышать мои слова без всякого телефона. Во-вторых — уж кем-кем, а дешевым позером он не был. Просто предпочитал экономить время. Если я собирался сказать, что буду через сорок минут, — к чему терять время и меня выслушивать?

А еще — я был очень рад звонку. Все равно день пропащий — на дачу я поеду только через неделю. Убираться в квартире рано — как любой уважающий себя мужчина в отсутствие семьи я делаю это один раз, в последний день холостяцкой жизни. Идти в гости или звать гостей к себе тоже решительно не хотелось. Так что куда полезнее на день раньше вернуться из отпуска — чтобы в нужный момент с чистой совестью потребовать отгул.

Пусть даже у нас не принято требовать отгулы.

— Спасибо, шеф, — с чувством сказал я. Отлепился от кресла, отложив недочитанную книжку. Потянулся.

И телефон зазвонил снова.

Конечно, с Гесера станет позвонить и сказать «пожалуйста». Но уж это точно станет фиглярством!

— Алло! — произнес я очень деловым тоном.

— Антон, это я.

— Светка, — сказал я, усаживаясь обратно. И напрягся — голос у Светланы был нехороший. Тревожный. — Светка, что с Надей?

— Все в порядке, — быстро ответила она. — Не волнуйся. Лучше скажи, как у тебя дела?

Несколько секунд я размышлял. Пьянок не устраивал, женщин в дом не водил, мусором не зарос, даже посуду мою...

А потом до меня дошло.

— Гесер звонил. Только что.

— Чего он хочет? — быстро спросила Светлана.

— Ничего особенного. Просил сегодня выйти на работу.

— Антон, я что-то почувствовала. Что-то нехорошее. Ты согласился? Идешь на работу?

— Почему бы и нет? Совершенно нечем заняться.

Светлана на другом конце провода (хотя какие провода у мобильных телефонов?) молчала. Потом неохотно сказала:

— Знаешь, меня будто в сердце кольнуло. Ты веришь, что я беду чую?

Я усмехнулся:

— Да, Великая.

— Антон, ну будь серьезнее! — Светлана завелась немедленно. Как всегда, если я называл ее Великой. — Послушай меня... если Гесер тебе что-нибудь предложит — откажись.

— Света, если Гесер меня вызвал — значит хочет что-то предложить. Значит, рук не хватает. Говорит, все в отпусках...

— Пушечного мяса ему не хватает, — отрезала Светлана. — Антон... ладно, все равно ты меня не слушаешь. Просто будь осторожен.

— Светка, ты же не думаешь всерьез, что Гесер собирается меня подставить, — осторожно сказал я. — Понимаю твоё отношение к нему..

— Будь осторожен, — сказала Светлана. — Ради нас. Хорошо?

— Хорошо, — пообещал я. — Я всегда очень осторожен.

— Я позвоню, если еще что-нибудь почувствую, — сказала Светлана. Кажется, она немного успокоилась. — И ты позвони, хорошо? Вот хоть что-нибудь необычное случится — звони. Ладно?

— Позвоню.

Светлана несколько секунд молчала, а прежде чем положить трубку, произнесла:

— Уходил бы ты из Дозора, Светлый Маг третьего уровня...

Что-то подозрительно легко все закончилось — мелкой шпилькой... Хотя на эту тему мы договорились не говорить. Давно договорились — три года назад, когда Светлана ушла из Ночного Дозора. Ни разу обещание не нарушали. Конечно, я рассказывал жене про работу... про те дела, которые хотелось вспоминать. И она всегда слушала с интересом. А вот теперь — прорвало.

Неужели и впрямь почувствовала что-то нехорошее?

В результате собирался я долго, неохотно. Надел костюм, потом переделся в джинсы и клетчатую рубашку, потом плюнул на все и влез в шорты и черную футболку с надписью «Мой друг побывал в состоянии клинической смерти, но все, что он мне привез с того света, — эту футболку!». Буду похож на жизнерадостного немецкого туриста, зато сохраню хотя бы видимость отпускного настроения перед лицом Гесера...

В результате я вышел из дома за двадцать минут до назначенного шефом срока. Пришлось ловить машину, прощупывать линии вероятности — после чего подсказывать водителю те маршруты, на которых нас не ждали пробки.

Водитель подсказки принимал неохотно, с глубоким сомнением.

Зато мы не опоздали.

Лифты не работали — парни в синих спецовках деловито грузили в них бумажные мешки с цементной смесью. Я пошел по лестнице и обнаружил, что на втором этаже нашего офиса идет ремонт. Рабочие обшивали стены листами гипсокартона, тут же суетились штукатурки, промазывая швы. Параллельно сооружали подвесной потолок, куда уже были упрятаны трубы кондиционирования.

Настоял все-таки на своем наш завхоз Виталий Маркович! Вынудил шефа раскошелиться на полноценный ремонт. И даже деньги где-то изыскал.

Задержавшись на миг, я посмотрел на рабочих сквозь Сумрак. Люди. Не Иные. Как и следовало ожидать. Лишь у одного шту-

катура, совершенно неказистого на вид мужичка, аура показалась подозрительной. Но через секунду я понял, что он просто влюблен. В собственную жену! Надо же, не перевелись еще на свете хорошие люди!

Третий и четвертый этажи уже были отремонтированы, и это окончательно привело меня в хорошее настроение. Наконец-то и в вычислительном центре будет прохладно. Пусть сейчас я появляюсь там не каждый день, но... На бегу я поздоровался с охранниками, явно поставленными здесь на время ремонта. Выскочил к кабинету Гесера — и наткнулся на Семена. Тот что-то серьезно и наставительно толковывал Юле.

Как летит время... Три года назад Юля была совсем еще девчонкой. Сейчас — молодая красивая девушка. Подающая большие надежды волшебница, ее уже звали в европейский офис Ночного Дозора. Любят там прибирать к рукам талантливых и молодых — под разноязыкие возгласы о большом и общем деле...

Но в этот раз номер не прошел. Гесер и Юльку отстоял, и пригрозил, что сам может рекрутировать европейскую молодежь.

Интересно, чего в той ситуации хотела сама Юля.

— Отозвали? — понимающе спросил Семен, едва увидев меня и прервав разговор. — Или отгулял свое?

— И отгулял, и отозвали, — сказал я. — Что-то стряслось? Привет, Юлька.

С Семеном мы почему-то никогда не здороваемся. Будто только что виделись. Да он и выглядит всегда одинаково — очень просто, небрежно одетый, с мятым лицом перебравшегося в город крестьянина.

Сегодня, впрочем, Семен выглядел еще непритязательнее обычного.

— Привет, Антон, — улыбнулась девушка. Лицо у нее было невеселым. Похоже, Семен проводил воспитательную работу — он на такие дела мастер.

— Ничего не стряслось. — Семен покачал головой. — Тишь да гладь. На той неделе взяли двух ведьм, да и то по мелочи.

— Ну и славно, — стараясь не замечать жалобный взгляд Юльки, сказал я. — Пойду к шефу.

Семен кивнул и повернулся к девушке. Входя в приемную, я успел услышать:

— Так вот, Юля, я шестьдесят лет тем же самым занимаюсь, но такой безответственности...

Суров он. Но ругает только по делу, так что спасти Юльку от беседы я не собирался.

В приемной, где теперь мягко шелестел кондиционер, а потолок был украшен крошечными лампочками галогеновой подсветки, сидела Лариса. Видимо, Галочка, секретарша Гесера, в отпуске, а дел у наших диспетчеров и впрямь немного.

— Здравствуй, Антон, — поприветствовала меня Лариса. — Хорошо выглядишь.

— Две недели на пляже, — гордо ответил я.

Лариса покосилась на часы:

— Велено тебя сразу впустить. Но у шефа еще посетители. Пойдешь?

— Пойду, — решил я. — Зря, что ли, спешил.

— К вам Городецкий, Борис Игнатьевич, — сказала Лариса в интерком. Кивнула мне: — Иди... ох, там жарко...

За дверью Гесера и впрямь было жарко. Перед его столом маялись в креслах двое незнакомых мужчин средних лет — мысленно я окрестил их Тонкий и Толстый. Потели, однако, оба.

— И что мы наблюдаем? — укоризненно спросил их Гесер. Покосился на меня. — Проходи, Антон. Садись, я сейчас закончу...

Тонкий и Толстый приободрились.

— Какая-то бесталанная домохозяйка... извращая все факты... опошляя и упрощая... делает вас по всем статьям! В мировом масштабе!

— Потому и делает, что опошляет и упрощает, — мрачно огрызнулся Толстый.

— Вы велели, чтобы «все как есть», — подтвердил Тонкий. — Вот и резульгат, Пресветлый Гесер!

Я посмотрел на визитеров Гесера сквозь Сумрак. Надо же! Опять — люди! И при этом знают имя и титул шефа! Да еще проносят с совершенно откровенным сарказмом! Конечно, бывают всякие обстоятельства, но чтобы сам Гесер открывался людям...

— Хорошо, — кивнул Гесер. — Даю вам еще одну попытку. На этот раз работайте поодиночке.

Тонкий и Толстый переглянулись.

— Мы постараемся, — добродушно улыбаясь, сказал Толстый. — Вы же понимаете — мы добились определенных успехов...

Гесер фыркнул. Будто получив невидимый сигнал, что разговор окончен, визитеры встали, за руку попрощались с шефом и вышли. В приемной Тонкий что-то весело и игриво сказал Ларисе — та засмеялась.

— Люди? — осторожно спросил я.

Гесер кивнул, неприязненно глядя на дверь. Вздохнул:

— Люди, люди... Ладно, Городецкий. Садись.

Я сел, а Гесер все не начинал разговор. Возился с бумагами, перебирал какие-то цветные, гладко обкатанные стеклышки, наваленные в грубую глиняную миску. Очень хотелось посмотреть, амулеты это или просто стекляшки, но вольничать, сидя перед Гесером, я не рискнул.

— Как отдохнул? — спросил Гесер, будто исчерпав все поводы оттягивать разговор.

— Хорошо, — ответил я. — Без Светы, конечно, скучно. Но не тащить же Надюшку в испанское пекло. Не дело...

— Не дело, — согласился Гесер. Я не знал, есть ли у великого мага дети, — такой информации не доверяют даже своим. Скорее всего, есть. Наверное, он способен испытывать что-то вроде отцовских чувств. — Антон, это ты позвонил Светлане?

— Нет. — Я покачал головой. — Она с вами связалась?

Гесер кивнул. И вдруг его прорвало — он стукнул кулаком по столу и выпалил:

— Да что она себе вообразила? Вначале дезертирует из Дозора...

— Гесер, у нас у всех есть право уйти в отставку, — вставил я. Но Гесер и не подумал извиняться.

— Дезертирует! Волшебница ее уровня себе не принадлежит! Не имеет права принадлежать! Если уж... если уж называется Светлой... Потом — воспитывает дочь как человека!

— Надя — человек, — сказал я, чувствуя, что тоже закипаю. — Станет ли она Иной — ей самой решать... Пресветлый Гесер!

Шеф понял, что теперь и я на взводе. И тон сменил.

— Ладно. Ваше право. Уклоняйтесь от борьбы, ломайте девчонке жизнь... Как будет угодно! Но откуда эта ненависть?

— Что Света сказала? — спросил я.

Гесер вздохнул:

— Твоя жена позвонила мне. На номер телефона, который не имеет права знать...

— Значит, и не знает, — вставил я.

— И сказала, что я собираюсь тебя убить! Что я затеваю далекоидущий план по твоему физическому устранению!

Секунду я смотрел в глаза Гесеру. Потом засмеялся.

— Тебе смешно? — с мукой в голосе спросил Гесер. — Правда смешно?

— Гесер... — Я с трудом задавил смех. — Простите. Можно говорить откровенно?

— Уж изволь...

— Вы самый большой интриган из тех, кого я знаю. Покруче Завулона. Макиавелли по сравнению с вами — щенок...

— Макиавелли ты зря недооцениваешь, — буркнул Гесер. — Так, понял, я интриган. Дальше?

— А дальше я уверен, что вы не собираетесь меня убивать. В критической ситуации, быть может, вы мной пожертвуете. Ради спасения соразмерно большого количества людей или Светлых Иных. Но чтобы так... планируя... интригуя... Не верю.

— Спасибо, порадовал, — кивнул Гесер. Уязвил я его или нет — непонятно. — Тогда что Светлана себе в голову вбила? Ты извини, Антон... — Гесер вдруг замаялся и даже отвел глаза. Но закончил: — Вы ребеночка не ждете? Еще одного?

Я поперхнулся. Замотал головой:

— Нет... вроде как нет... нет, она бы сказала!

— Женщины иногда дуреют, когда ребенка ждут, — буркнул Гесер и снова принялся перебирать свои стекляшки. — Начинают всюду опасность видеть — ребенку, мужу, себе... Или, может, у нее сейчас... — Но тут великий маг совсем смугился и оборвал сам себя: — Ерунда... забудь. Съездил бы к жене в деревню, с девочкой поиграл, молочка попил парного...

— У меня же отпуск завтра кончается, — напомнил я. Ох что-то было неладно! — А я так понимаю, что работать предстоит уже сегодня?

Гесер вытаращился на меня:

— Антон! Какая еще работа? Светлана пятнадцать минут орала на меня! Будь она Темной — надо мной бы сейчас висело inferно! Все, работа отменяется. Я продлеваю тебе отпуск на неделю — и езжай ты к жене, в деревню!

У нас, в московском отделении, говорят: «Трех вещей не может сделать Светлый Иной: устроить свою личную жизнь, добиться счастья и мира на всей Земле и получить отгул у Гесера».

Личной жизнью, если откровенно, я доволен. Теперь вот и неделю отпуска получил.

Возможно, мир и счастье для всей Земли уже на подходе?

— Ты не рад? — спросил Гесер.

— Рад, — признался я. Нет, перспектива под бдительным взглядом тещи пропалывать грядки меня не вдохновляла. Зато — Света и Надя. Надя, Наденька, Надюшка. Чудо мое двухлетнее. Человек, человечек... Потенциально — Иная великой силы. Такая Великая, что сам Гесер ей в подметки не годится... Я представил себе подошвы Надькиных сандаликов, к которым вместо подметок приколотен великий Светлый маг Гесер, и ухмыльнулся.

— Зайди в бухгалтерию, тебе премию выпишут... — продолжал Гесер, не подозревая, каким мысленным издевательством я его подвергаю. — Формулировку сам придумай. Что-нибудь... за многолетний добросовестный труд...

— Гесер, что там за работа была? — спросил я.

Гесер замолчал и принялся буравить меня взглядом. Не добился результатов и сказал:

— Когда я все расскажу, ты позвонишь Светлане. Прямо отсюда. И спросишь — соглашаться тебе или нет. Хорошо? Про отпуск тоже скажешь.

— Что стряслось?

Вместо ответа Гесер открыл стол, достал и протянул мне черную кожаную папку. От папки ощутимо пахло магией — тяжелой, боевой.

— Открывай спокойно, на тебя допуск поставлен... — буркнул Гесер.

Я открыл папку — не допущенный Иной или человек превратились бы после этого в горстку пепла. В папке лежало письмо. Один-единственный конверт.

Адрес нашего офиса был аккуратно выклеен из газетных букв.

Обратного адреса, разумеется, не было.

— Буквы вырезаны из трех газет, — сказал Гесер. — «Правда», «Коммерсантъ» и «Аргументы и факты».

— Оригинально, — признался я. — Можно открыть?

— Открой, открой. Криминалисты уже все, что могли, с конвертом сделали. Отпечатков никаких, клей китайского производства в любом ларьке «Союзпечати» продается...

— А бумага — туалетная! — в полном восторге воскликнул я, доставая из конверта листок. — Она хоть чистая?

— К сожалению, — сказал Гесер. — Ни малейших следов органики. Обычный дешевый пипифакс. «Пятьдесят четыре метра» называется.

На листочке туалетной бумаги, небрежно вырванном по перфорации, текст был выклеен теми же разномастными буквами.

Точнее — целыми словами, лишь окончания иногда подбирались отдельно, без всякого уважения к шрифту:

«НОЧНОму ДОЗОРу должно БЫТЬ ИНТЕРЕСНО, что ОДИН Иной РАСКРЫл одному человеку всю правду об ИНЫХ и сейчас собирается сделать ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА ИНЫМ. доброЖЕЛАТель».

Я бы засмеялся. Но почему-то не хотелось. Вместо этого я пронизательно заметил:

— Ночной Дозор — целыми словами написано... только окончания поменяли.

— Была такая статья в «Аргументах и фактах», — пояснил Гесер. — Про пожар на телебашне. Называлась «НОЧНОЙ ДОЗОР НА ОСТАНКИНСКОЙ БАШНЕ».

— Оригинально, — согласился я. От упоминания башни меня слегка передернуло. Не самое было веселое время... и не самые веселые приключения. Всю жизнь меня будет преследовать лицо Темного Иного, которого я в Сумраке сбросил с телебашни...

— Не кисни, Антон. Ты все делал правильно, — сказал Гесер. — Давай к делу.

— Давайте, Борис Игнатьевич, — старым «штатским» именем назвал я шефа. — Это что, всерьез?

Гесер пожал плечами:

— Магией от письма даже не пахнет. Либо его сочинял человек, либо способный Иной, умеющий подчищать свои следы. Если человек... значит, и впрямь существует утечка информации. Если Иной... то это совершенно безответственная провокация.

— Никаких следов? — еще раз уточнил я.

— Никаких. Единственная зацепка — почтовый штампель. — Гесер поморщился. — Но тут очень сильно пахнет подставой...

— Письмо из Кремля, что ли, отправлено? — развеселился я.

— Почти. Ящик, куда опустили письмо, расположен на территории жилого комплекса «Ассоль».

Высоченные дома с красными крышами — такие, без сомнения, одобрил бы товарищ Сталин, я видел. Но только со стороны.

— Туда просто так не войдешь?

— Не войдешь, — кивнул Гесер. — Так что, отправляя письмо из «Ассоли», после всех ухищрений с бумагой, клеем и буквами, неизвестный либо совершил грубейший промах...

Я покачал головой.

— Либо наводит нас на ложный след... — Тут Гесер сделал паузу, бдительно наблюдая за моей реакцией.

Я подумал. И снова покачал головой:

— Очень наивно. Нет.

— Либо «доброжелатель», — последнее слово Гесер произнес с откровенным сарказмом, — и впрямь хочет дать нам зацепку.

— Зачем? — спросил я.

— Письмо же он зачем-то отправил, — напомнил Гесер. — Как ты понимаешь, Антон, не реагировать на это письмо мы не можем. Исходить будем из худшего — существует Иной-предатель, способный раскрыть человечеству тайну нашего существования.

— Да кто ему поверит?

— Человеку — не поверят. А вот Иной способен продемонстрировать свои умения.

Гесер был прав, разумеется. Но у меня не укладывалось в голове — кто и зачем может на такое пойти. Даже самый глупый и злобный Темный должен понимать, что начнется после открытия правды.

Новая охота на ведьм, вот что.

А на роль ведьм люди охотно назначат и Темных, и Светлых. Всех, в ком есть способности Иного...

Включая Свету. Включая Надюшку.

— Как можно «сделать этого человека Иным»? — спросил я. — Вампиризм?

— Вампиры, оборотни... — Гесер развел руками. — Все, пожалуй. Инициация возможна на самых грубых, примитивных уровнях Темной Силы, а расплачиваться придется утратой человеческой сущности. Инициировать человека в мага невозможно.

— Надюшка... — прошептал я. — Вы ведь переписывали Светлане Книгу Судьбы!

Гесер покачал головой:

— Нет, Антон. Твоей дочери было суждено родиться Великой. Мы лишь уточнили знак. Избавились от элемента случайности...

— Егор, — напомнил я. — Мальчик уже стал Темным Иным...

— А ему мы стерли знак инициации. Дали шанс выбрать заново, — кивнул Гесер. — Антон, все вмешательства, на какие мы способны, связаны лишь с выбором «Темный»—«Светлый». А вот выбирать «человек» или «Иной» нам не дано. Никому в этом мире не дано.

— Значит, речь о вампирах, — сказал я. — Скажем, среди Темных завелся очередной влюбленный вампир...

Гесер развел руками:

— Возможно. Тогда все более-менее просто. Темные проверят свою нечисть, они не меньше нашего заинтересованы... Да, кстати. Они тоже получили такое письмо. Совершенно аналогичное. И отправлено из «Ассоли».

— А Инквизиция не получила?

— Ты становишься все пронительнее и пронительнее, — усмехнулся Гесер. — И они тоже. По почте. Из «Ассоли».

Гесер явно на что-то намекал. Я подумал и сделал еще один пронительный вывод:

— Значит, расследование ведут и оба Дозора, и Инквизиция? Во взгляде Гесера скользнуло разочарование.

— Получается, что так. В частном порядке, в случае необходимости, раскрыться перед людьми возможно. Сам знаешь... — Он кивнул в сторону двери, куда вышли его посетители. — Но это в частном порядке. С наложением соответствующих магических ограничений. Здесь ситуация куда хуже. Похоже, что кто-то из Иных собирается торговать инициациями.

Представив себе вампира, предлагающего свои услуги богатым новым русским, я улыбнулся. «А не хотите ли кровушки из народа попить по-настоящему, господин хороший?» Хотя... дело

ведь не в крови. Даже самый слабый вампир или оборотень имеет Силу. Им не страшны болезни, они живут очень, очень долго. О физической силе тоже не стоит забывать — оборотень и Карелина поборет, и Тайсону морду набьет. Ну и тот самый «животный магнетизм», «зов», которым они обладают в полной мере. Любая женщина — твоя, только помани.

Конечно, в реальности и вампиры, и оборотни скованы множеством ограничений. Даже посильнее, чем маги, — их неуравновешенность того требует. Но разве новообращенный вампир это понимает?

— Чему улыбаешься? — спросил Гесер.

— Представил себе объявление в газете. «Превращу в вампира. Надежно, качественно, гарантия — сто лет. Цена договорная».

Гесер кивнул:

— Здравая мысль. Прикажу проверить газеты и сайты объявлений в Интернете.

Я посмотрел на Гесера, но так и не понял, шутит он или говорит всерьез.

— Мне кажется, что реальной опасности нет, — сказал я. — Скорее всего, какой-то чокнутый вампир решил заработать. Показал богатому человеку несколько трюков и предложил... э... укус.

— Укуситься и забыться, — поддержал меня Гесер.

Ободренный, я продолжил:

— Кто-то... к примеру — жена этого человека узнала об ужасном предложении! Пока муж колеблется, она решила написать нам. В надежде, что мы устраним вампира и муж останется человеком. Отсюда и сочетание: вырезанные из газеты буквы и почтовое отделение в «Ассоли». Крик о помощи! Она не может сказать нам прямо, но буквально умоляет — спасите моего мужа!

— Романтик, — неодобрительно сказал Гесер. — «Если вам дорога жизнь и рассудок, держитесь подальше от торфяных бо-

лот...» И — чик-чик буковки маникюрными ножничками из свежей «Правды»... Адреса она тоже из газет взяла?

— Адрес Инквизиции! — воскликнул я, прозревая.

— Вот теперь ты прав. Ты бы сумел отправить письмо в Инквизицию?

Я молчал. Я был поставлен на подобающее место. И ведь Гесер в лоб мне сказал про письмо в Инквизицию!

— В нашем Дозоре их почтовый адрес знаю только я. В Дневном Дозоре, полагаю, только Завулон. Что из этого получается, Городецкий?

— Письмо отправили вы. Или Завулон.

Гесер только фыркнул.

— А Инквизиция сильно напряглась? — спросил я.

— Напряглась — не то слово. Сама по себе попытка торговли инициациями их не волнует. Обычное дело Дозоров — выявить нарушителя, наказать, закрыть канал утечки. Тем более что и мы, и Темные одинаково возмущены произошедшим... Но письмо в Инквизицию — вопрос особый. Их же немного, сам понимаешь. Если какая-то сторона нарушает Договор, Инквизиция встает на другую сторону, тем и удерживая равновесие. Это всех нас... дисциплинирует. Но, допустим, в недрах одного из Дозоров зреет план по достижению окончательной победы. Группа боевых магов, объединившись, способна в одну ночь перебить всех Инквизиторов — в том случае, конечно, если они все про Инквизицию знают. Кто в ней служит, где живет, где хранят документы...

— Письмо пришло в их главный офис? — уточнил я.

— Да. И судя по тому, что через шесть часов офис был пуст, а в здании случился пожар, — именно там Инквизиция хранила все свои архивы. Этого даже я не знал точно. В общем, отправив письмо Инквизиции, человек... или Иной... бросил им в лицо перчатку. Теперь Инквизиция будет за ним гоняться. Официальная версия — из-за нарушения секретности и попытки инициации человека. На самом деле — в страхе за собственную шкуру.

— Никогда не думал, что им свойственно бояться за себя, — сказал я.

Гесер кивнул:

— Еще как свойственно, Антон. Вот тебе информация к размышлению... почему в Инквизиции не бывает предателей? К ним приходят и Темные, и Светлые. Проходят свое обучение. А потом — Темные жестоко карают Темных, Светлые — Светлых, стоит им лишь нарушить Договор.

— Особый склад характера, — предположил я. — Таких Иных отбирают.

— И никогда не ошибаются? — скептически спросил Гесер. — Не бывает такого. Но в истории нет ни одного случая нарушения Договора Инквизитором...

— Видимо, слишком хорошо понимают итог нарушения Договора. Один Инквизитор, в Праге, сказал: «Нас держит ужас».

Гесер поморщился:

— Витезслав... любит он красоты... Ладно, этим голову не забивай. Ситуация проста — существует Иной, либо нарушающий Договор, либо издевающийся над Дозорами и Инквизицией. Инквизиция поведет свое расследование, Темные — свое. От нас тоже требуется сотрудник.

— Можно спросить? Почему именно я?

Гесер развел руками:

— Ряд причин. Первое — скорее всего, в ходе расследования придется столкнуться с вампирами. А ты у нас специалист по низшим Темным.

Нет, вроде он не смеялся...

— Второе, — продолжал Гесер, на немецкий манер отгибая загнутые в кулак пальцы. — От Инквизиции официальными дознавателями назначены твои знакомые. Витезслав и Эдгар.

— Эдгар в Москве? — удивился я. Нельзя сказать, что Темный маг, перешедший три года назад в Инквизицию, был мне симпатичен. Но... но можно сказать, что он не был неприятен.

Дозоры

Сергей Лукьяненко • Сумеречный Дозор

— В Москве. Четыре месяца назад закончил курс обучения и прилетел к нам. Поскольку по работе тебе придется контактировать с Инквизиторами, всякий личный контакт полезен.

— Контакт с ними был не слишком-то приятным, — напомнил я.

— А я тебе что, тайский массаж в рабочее время обещаю? — сварливо спросил Гесер. — Третья причина, почему я хотел бы направить на это задание именно тебя... — Он замолчал.

Я ждал.

— Расследование от Темных тоже ведет твой старый знакомый.

Имени Гесер мог уже и не называть. Но он продолжил:

— Константин. Молодой вампир... твой бывший сосед. Помнится, у вас были хорошие отношения.

— Да, конечно, — с горечью сказал я. — Пока он был ребенком, пил только свиную кровь и мечтал избавиться от «проклятия»... Пока не понял, что его приятель, Светлый маг, таких, как он, сжигает дотла.

— Это жизнь, — констатировал Гесер.

— Он ведь уже пил человеческую кровь, — сказал я. — Наверняка! Раз выслужился в Дневном Дозоре.

— Он стал Высшим вампиром, — произнес Гесер. — Самый молодой Высший вампир в Европе. Если переводить на наши мерки, то это...

— Второй-третий уровень Силы, — прошептал я. — Пять-шесть загубленных жизней.

Костя, Костя... Я тогда был молодой и неопытный Светлый маг. Никак не мог завести друзей в Дозоре, а со старыми знакомыми отношения стремительно рвались... не могут дружить Иные и люди... И вдруг оказалось, что мои соседи по подъезду — Темные Иные. Семья вампиров. Мама и папа вампиры, да и ребеночка инициировали. Правда, ничего дурного. Никаких ночных охот, никаких требований лицензий, законопослушно пили свиную и донорскую кровь. И меня, дурака, это расслабило. Я с

Дозоры

История первая • Ничье время

Глава 1

ними подружился. Даже заходил к ним. Даже звал в гости! Они ели пищу, которую я готовил, и нахваливали... а я, дурак, не понимал, что человеческая еда для них безвкусна, что их терзает древний, вечный голод. Маленький вампиреныш даже решил, что станет биологом и откроет, как вылечиться от вампиризма...

Потом я впервые убил вампира.

Потом Костя пошел в Дневной Дозор. Не знаю, окончил ли он свой биофак, но от детских иллюзий точно избавился...

И стал получать лицензии на убийство. За три года подняться до уровня Высшего вампира? Это ему должны были помочь. Использовать все возможности Дневного Дозора, чтобы хороший парень Костя раз за разом получал право вонзить клыки в человеческую шею...

И я даже догадываюсь, кто ему помог.

— Как ты думаешь, Антон, — сказал Гесер, — кого в данной ситуации стоит назначить дознавателем с нашей стороны?

Я вынул из кармана телефон и набрал номер
Светланы.

Глава 2

В нашем деле редко доводится работать под прикрытием.

Во-первых, надо полностью замаскировать свою природу Иного. Так, чтобы тебя не выдавала ни аура, ни потоки Силы, ни возмущения в Сумраке. И тут уж расклад прост — если ты маг пятого уровня, то тебя не обнаружат более слабые маги — шестого и седьмого уровня. Если ты маг первого уровня — то закрыт от второго уровня и ниже. Если ты маг вне категорий... что ж, тогда можно надеяться, что тебя не узнает никто.

Меня маскировал сам Гесер. Сразу после разговора со Светланой — разговора короткого, но тягостного. Мы не поругались, нет. Она просто *очень* расстроилась.

А во-вторых, тебе нужна легенда. Проще всего обеспечить легенду магическими методами — незнакомые люди с готовностью сочтут тебя братом, сватом или армейским другом, с которым вместе ходили в самоволку и пили бражку. Но любое магическое прикрытия оставит следы, заметные для более или менее сильного Иного.

Поэтому моя легенда ничего общего с магией не имела. Гесер вручил мне ключи от квартиры в «Ассоли» — сто пятьдесят

метров на восьмом этаже. Квартира была оформлена на мое имя и куплена полгода назад. Когда я сделал большие глаза, Гесер пояснил, что документы выписаны сегодня утром, но задним числом. За большие деньги. И что квартиру позже придется вернуть.

Ключ от «BMW» я получил просто в довесок. Машина была не новой и не самой роскошной, но ведь и квартирка у меня маленькая.

Потом в кабинет пришел портной — грустный старенький еврей, Иной седьмого уровня. Он обмерил меня и пообещал, что к вечеру костюм будет готов и «этот мальчик станет похож на человека». Гесер с портным был предельно вежлив, сам открыл ему дверь, потом проводил в приемную, а прощаясь, робко спросил, как там его «пальтишко». Портной сказал, что волноваться не стоит и к холодам пальто, достойное Пресветлого Гесера, будет готово.

После этих слов я не особенно обрадовался разрешению оставить себе костюм насовсем. Видимо, настоящие, монументальные вещи портной за полдня не шил.

Галстуками меня обеспечил сам Гесер. И даже научил особо модному узлу. После чего выдал пачку ассигнаций, дал адрес магазина и велел купить себе все остальное соответствующего уровня — включая белье, носовые платки и носки. В качестве консультанта мне был предложен Игнат — наш маг, которого в Дневном Дозоре называли бы инкубом. Или суккубом — ему это почти безразлично.

Прогулка по бутикам, где Игнат чувствовал себя будто рыба в воде, меня развлекла. А вот посещение парикмахерской, точнее — «Салона красоты», вымотало до предела. Меня поочередно осматривали две женщины и парень, косивший под голубого, хотя он таковым и не являлся. Все долго вздыхали и высказывали в адрес моего парикмахера нелестные пожелания. Исполнились они — и парикмахеру было бы суждено остаток лет остригать шерсть с плешивых баранов. Причем почему-то в Таджикистане.

Видимо, это было самым страшным парикмахерским проклятием... я даже решил после задания заглянуть в парикмахерскую второй категории, где стригся последний год, и проверить, не навесили ли мужику инферно.

Коллективный разум специалистов по красоте решил, что спасти меня может только стрижка под расческу. Как у мелко-го бандита, обирающего торговцев на рынке. В утешение сказали, что лето обещают жаркое и с короткой стрижкой будет комфортно.

После стрижки, занявшей больше часа, меня подвергли маникюру и педикюру. Потом довольный Игнат отвез меня к стоматологу, который специальной насадкой снял с зубов камень и посоветовал повторять эту процедуру каждые полгода. Зубы после процедуры стали будто голые, даже языком неприятно касаться. Так что на двусмысленную реплику Игната: «Антон, да в тебя теперь влюбиться можно!» я не нашел достойного ответа, что-то невразумительно промычал и всю обратную дорогу в офис служил мишенью его незатейливого остроумия.

Костюм меня уже ждал. И портной, недовольно бурчащий, что шить без второй примерки — все равно что жениться по залету.

Не знаю. Если бы все браки по залету были так удачны, как этот костюм, то количество разводов сошло бы на нуль.

Гесер еще потолковал с портным о своем пальто. Они долго и жарко спорили о пуговицах, пока Пресветлый маг не капитулировал. А я стоял у окна, глядел на вечеряющую улицу и помаргивающий огонек сигнализации на «своей» машине.

Не украли бы тачку... Магическую защиту, отпугивающую ворюшек, я навесить не могу. Она меня будет выдавать лучше, чем Штирлица из анекдота — волочащийся сзади парашют.

Ночевать мне сегодня предстояло в новой квартире. И при этом делать вид, что я в ней — не первый раз. Хорошо хоть, дома никто не ждет. Ни жена, ни дочка, ни кошечка-собачка... даже рыбок в аквариуме не завел. И правильно сделал...

— Ты понял свою задачу, Городецкий? — спросил Гесер. Пока я тосковал у окна, портной успел уйти. В новом костюме было на удивление уютно. Даже несмотря на короткую стрижку, я ощущал себя не потрошителем челноков, а кем-нибудь более серьезным. К примеру — сборщиком оброка с маленьких магазинов.

— Поселиться в «Ассоли». Общаться с соседями. Искать следы Иного-отступника и его потенциального клиента. При обнаружении — доложить. При встрече с прочими дознавателями вести себя корректно, обмениваться информацией, идти на сотрудничество.

Гесер встал рядом со мной у окна. Кивнул:

— Все так, Антон, все так... Только самое главное ты упустил.

— Да? — спросил я.

— Ты не должен придерживаться никаких версий. Даже самых вероятных... тем более — самых вероятных! Иной может быть вампиром или оборотнем... а может и не быть.

Я кивнул.

— Он может быть Темным, — сказал Гесер. — А может оказаться и Светлым.

Я ничего не сказал. Эта мысль тоже приходила мне в голову.

— И самое главное, — добавил Гесер. — «Собирается сделать этого человека Иным». Это может быть блеф.

— А может и не быть? — спросил я. — Гесер, так все-таки есть возможность превратить человека в Иного?

— Неужели ты думаешь, что я скрывал бы такое? — спросил Гесер. — Сколько разбитых судеб Иных... сколько прекрасных людей, обреченных прожить лишь свой короткий век... Никогда и ничего подобного не происходило. Но все когда-нибудь случается в первый раз.

— Тогда я буду считать, что это возможно, — сказал я.

— Никаких амулетов я тебе дать не могу, — посетовал Гесер. — Сам понимаешь. И от использования магии тебе лучше воздерживаться. Единственное, что допустимо, — смотреть сквозь Сумрак. Но если возникнет необходимость — мы придем быстро. Только позови.

Он помолчал и добавил:

— Я не жду никаких боевых столкновений. Но ты должен их ждать.

Никогда мне не приходилось парковаться в подземных гаражах. Хорошо хоть, машин было немного, бетонные пандусы заливал яркий свет, а охранник, сидящий за мониторами внутреннего наблюдения, любезно указал, где находятся боксы для моих машин.

Оказывается, предполагалось, что машин у меня как минимум две.

Припарковавшись, достав из багажника сумку с вещами и поставив машину на сигнализацию, я направился к выходу. И был встречен удивленным вопросом охранника — неужели лифты не работают? Пришлось морщить лоб, махать рукой и объяснять, что с год тут не появлялся.

Охранник поинтересовался корпусом и этажом, на котором я обитаю, после чего проводил к лифту.

В окружении хрома, зеркал и кондиционированного воздуха я вознесся на восьмой этаж. Даже обидно, что так низко живу. Нет, я не претендую на пентхауз, но все-таки...

На лестничной площадке — если этот скучный термин подходит к холлу площадью метров тридцать квадратных — я некоторое время бродил между дверями. Сказка неожиданно кончилась. Одной двери не оказалось вообще, за пустым проемом темнело гигантское пустое помещение — бетонные стены, бетонный пол, никаких внутренних перегородок. Едва слышно капала вода.

Выбирать между тремя уже установленными дверьми пришлось долго — номеров на них не оказалось. В конце концов я обнаружил на одной двери накарябанный чем-то острым номер, на другой — остатки надписи мелом. Похоже, моя дверь была третьей. Самой невзрачной из всех. С Гесера станется отрядить меня и в ту квартиру, где дверей не было вообще, но тогда вся легенда летела к чертям...

Я извлек связку ключей и довольно легко открыл дверь. Поискал выключатель, нашел целое стойбище тумблеров.

И принялся включать их поодиночке.

Когда квартира наполнилась светом, я закрыл дверь и задумчиво огляделся.

Нет, что-то в этом есть. Наверное.

Прежний владелец квартиры... ну ладно, ладно, по легенде это я и есть. Так вот, начиная ремонт, я, очевидно, был полон наполеоновских планов. Чем еще объяснить штучный художественный паркет, дубовые окна, кондиционеры «Дайкин» и прочие атрибуты очень хорошего жилья?

А далее, вероятно, у меня кончились деньги. Потому что огромная квартира-студия — никаких внутренних стен — была девственно пуста. В том углу, где предполагалась кухня, стояла покосившаяся газовая плита «Брест», на которой вполне могли разогреть манную кашку в дни моего младенчества. Прямо на ее конфорках, будто намекая — «не пользуйся!» — примостилась простенькая микроволновка. Впрочем, над ужасной плитой нависала роскошная вытяжка. Рядом жалобно ютились два табурета и низенький сервировочный столик.

Повинуясь привычке, я разулся и прошел в кухонный угол. Холодильника не было, мебели тоже, но на полу стоял большой картонный ящик, наполненный снедью — бутылки с минералкой и спиртным, консервы, супчики в пакетах, сухарики в коробках. Спасибо, Гесер. Вот только если бы еще кастрюлей озаботились...

Из «кухни» я двинулся к дверям ванной комнаты. Не выставив унитазы и джакузи на всеобщее обозрение у меня, видимо, ума хватило...

Я открыл дверь и оглядел ванную. Ничего, метров десять — двенадцать. Симпатичный бирюзовый кафель. Футуристическо-го вида душевая кабина — даже предположить страшно, сколько такая стоит и что в нее напичкано.

А вот джакузи не было. Ванны вообще не было — только из угла торчали заглушенные водопроводные трубы. И еще...

Заметавшись по ванной, я убедился, что страшная догадка верна.

Унитазы здесь тоже не было!

Только забитая деревянным кляпом канализационная труба.

Ну спасибо, Гесер!

Стоп, без паники, в таких квартирах не делают один санузел. Должен быть еще один — гостевой, детский, для прислуги...

Я выскочил в студию и действительно обнаружил еще одну дверь в углу, у самого входа. Предчувствия меня не обманули — это был гостевой санузел. Ванна здесь и не предполагалась, душевая кабинка была попроще.

Вместо унитаза нашлась еще одна заглушенная труба.

Беда.

Влип!

Нет, я понимаю, настоящие профессионалы не обращают внимания на такие мелочи. Если Джеймс Бонд и заходит в туалет, то только для того, чтобы подслушать чужой разговор или ухлопать затаившегося в смывном бачке злодея.

Но мне-то здесь жить!

Несколько секунд я был близок к тому, чтобы позвонить Гесеру и потребовать сантехника со всем необходимым оборудованием. А потом представил себе его реакцию.

Почему-то Гесер в моем воображении улыбался. Потом вздыхал и отдавал команду — после чего в «Ассоль» приезжал какой-

нибудь самый главный сантехник Москвы и лично монтировал унитаз. А Гесер улыбался и качал головой.

Маги его уровня не ошибаются по мелочам. Их ошибки — это пылающие города, кровавые войны и импичменты президентов. Но никак не забытые бытовые удобства.

Если в моей квартире нет унитаза, значит, так и должно быть.

Я снова обследовал свое жизненное пространство. Нашел свернутый в рулон матрас и упаковку с постельным бельем веселенькой расцветки. Расстелил матрас, распаковал сумку со своими вещами. Переоделся в свои джинсы и футболку с оптимистической надписью про клиническую смерть — ну не ходить же в галстук по квартире! Достал ноутбук... кстати, что мне, через мобильник в Интернет выходить?

Пришлось устроить в квартире еще один обыск. Подключение к сети нашлось в стене большой ванной комнаты, хорошо еще, со стороны студии. Я решил, что это неспроста, и заглянул в ванную. Так и есть — рядом с несуществующим унитазом была еще одна сетевая розетка.

Странные были у меня вкусы, когда я делал ремонт...

Сеть работала. Уже хорошо, но ведь я сюда не за тем приехал.

Чтобы хоть как-то разогнать давящую тишину, я открыл окна. В комнаты ворвался теплый вечер. За рекой светились окна домов — обычных, человеческих. И все та же тишина. Неудивительно, первый час ночи.

Я достал плеер. Порылся в дисках, выбрал «Белую гвардию» — группу, которая никогда не будет лидировать в хит-парадах MTV и собирать стадионы. Нацепил наушники и растянулся на матрасе.

Когда закончится это сраженье
И если ты доживешь до рассвета,
Тебе станет ясно, что запах победы
Такой же едкий, как дым пораженья.

А ты один, средь остывшей сечи,
И нет врагов у тебя отныне,
Но небо давит тебе на плечи,
И что же делать в этой пустыне?
Но ты будешь ждать,
Что принесет
Время,
Ты будешь ждать...
И мед покажется горше соли,
Слеза — полыни степной не слаще,
И я не знаю сильнее боли,
Чем быть живым среди многих спящих.
Но ты будешь ждать,
Что принесет
Время,
Ты будешь ждать...

Поймав себя на том, что пытаюсь немелодично подпевать тихому женскому голосу, я стянул наушники, выключил плеер. Нет. Я сюда не бездельничать приехал.

Что на моем месте предпринял бы Джеймс Бонд? Нашел таинственного Иного-предателя, его клиента-человека и автора подметного письма.

А что предприму я?

Буду искать то, что мне просто жизненно необходимо! В конце концов, внизу, у охраны, должны быть удобства...

Где-то за окном, казалось — совсем рядом, тяжело взвыла бас-гитара. Я вскочил, но в квартире никого не обнаружил.

— Здорово, братва! — разнеслось за окнами. Я перегнулся через подоконник, окинул взглядом стену «Ассоли». И обнаружил на два этаже выше открытые окна, из которых и доносились блатные аккорды в неожиданном переложении для бас-гитары.

Давно я не давил кишки наружу,
Давным-давно кишки наружу не давил,
И вот совсем недавно обнаружил,
Что я давно кишки наружу не давил.

А ведь бывало я как выдавлю наружу!
Никто из наших так наружу не давил!
И я тогда один за всех давил наружу,
За всех наружу я тогда один давил!

Невозможно было даже представить больший контраст, чем тихий голос Зои Яценко, солистки «Белой гвардии», и этот немислимый шансон на бас-гитаре. Но песня почему-то мне нравилась. А певец, исполнив проигрыш на трех аккордах, стал сокрушаться дальше:

Бывает, щас я иногда давлю наружу,
Но это щас, совсем не как тогда.
Совсем не так мне давится наружу,
Давить, как раньше, я не буду никогда...

Я захохотал. Все атрибуты блатных песен присутствовали — лирический герой вспоминал дни былой славы, описывал свое нынешнее состояние и сокрушался, что былого великолепия ему уже не добиться.

И было у меня сильное подозрение, что если прокрутить эту песенку по «Радио Шансон», то девяносто процентов слушателей даже не заподозрят насмешки.

Гитара издала несколько вздохов. И тот же голос запел новую песню:

Никогда в психушке не лечился,
Ты меня не спрашивай о ней...

Музыка прервалась. Кто-то печально вздохнул и принялся перебирать струны.

Я больше не колебался. Порылся в картонной коробке, достал бутылку водки и батон копченой колбасы. Выскочил на площадку, захлопнул дверь и двинулся вверх по лестнице.

Найти квартиру полуночного барда оказалось не сложнее, чем обнаружить спрятанный в кустах отбойный молоток.

Включенный отбойный молоток.

Перестали птички петь,
Красно солнышко не светит,
У помойки во дворе
Не резвятся злые дети...

Я позвонил, совершенно не уверенный, что меня услышат. Но музыка прервалась, а через полминуты дверь открылась.

На пороге, добродушно улыбаясь, стоял невысокий коренастый мужчина лет тридцати. В руках он держал орудие преступления — бас-гитару. С каким-то мрачным удовлетворением я заметил, что он тоже стрижен «под бандита». На барде были заношенные джинсы и очень занятная футболка — десантник в русском обмундировании огромным ножом перерезал горло негру в американской форме. Ниже шла гордая надпись: «Мы можем напомнить, кто выиграл Вторую мировую войну!»

— Тоже ничего, — глядя на мою футболку, сказал гитарист. — Давай.

Забрав водку и колбасу, он двинулся в глубь своей квартиры.

Я посмотрел на него сквозь Сумрак.

Человек.

И такая перемешанная аура, что я с ходу отказался от попыток понять его характер. Серые, розовые, красные, синие тона... ничего себе коктейль.

Я двинулся за гитаристом.

Квартира у него оказалась раза в два больше моей. Ох не игрой на гитаре он на нее заработал... Впрочем, это не мое дело. Куда смешнее, что, кроме размера, квартира выглядела точной копией моей. Начальные следы великолепного ремонта, спешно свернутого, а отчасти и не доведенного до конца.

Посреди чудовищного жилого пространства — пятнадцать на пятнадцать метров, не меньше, стоял стул, перед ним — микрофон на штанге, хороший профессиональный усилитель и две чудовищные колонки.

А еще у стены стояли три огромных холодильника «Бош». Гитарист открыл самый большой — тот оказался абсолютно пустым, и поместил бутылку водки в морозилку. Пояснил:

- Теплая.
- Холодильником не обзавелся, — сказал я.
- Бывает, — согласился бард. — Лас.
- Чего «лас»? — не понял я.
- Зовут меня так. Лас. Не по паспорту.
- Антон, — представился я. — По паспорту.
- Бывает, — признал бард. — Издалека пришел?
- На восьмом живу, — объяснил я.

Лас задумчиво почесал затылок. Посмотрел на открытые окна, пояснил:

— Я открыл, чтобы не так громко было. А то уши не выдерживают. Собирался тут звукоизоляцию делать, но деньги кончились.

— Это, похоже, общая беда, — осторожно сказал я. — У меня даже унитаза нет.

Лас торжествующе улыбнулся:

— У меня есть. Уже неделю, как есть! Вон та дверь.

Вернувшись — Лас меланхолично нарезал колбасу, — я не удержался и спросил:

— А почему такой огромный и такой английский?

— Ты фирменную наклейку на нем видел? — спросил Лас. — «Мы придумали первый унитаз». Ну как его не купить, за такую надпись-то? Я все собираюсь наклейку отсканировать и чуть-чуть подправить. Написать: «Мы первыми догадались, зачем людям...»

— Понял, — сказал я. — Зато у меня установлена душевая кабина.

— Правда? — Бард поднялся. — Три дня помыться мечтаю... Я протянул ему ключи.

— Ты пока закуску организуй, — радостно сказал Лас. — Все равно водке еще минут десять стыть. А я быстро.

Хлопнула дверь, и я остался в чужой квартире — наедине с включенным усилителем, нарезанной колбасой и огромными пу-стыми холодильниками.

Ну и дела!

Никогда не думал, что в таких домах могут существовать не-принужденные отношения дружной коммунальной квартиры... или студенческого общежития.

Ты воспользуйся моим унитазом, а я помоюсь в твоей джаку-зи... А у Петра Петровича есть холодильник, а Иван Иванович обещал водки принести — он ею торгует, а Семен Семеныч заку-ску режет очень аккуратно, бережно...

Наверное, большинство здешних жильцов покупали квар-тиры «на века». На все деньги, что только сумели заработать, украсть и занять.

А только потом счастливые жильцы сообразили, что кварти-ра подобных размеров нуждается еще и в ремонте. И что с чело-века, купившего здесь жилье, любая строительная фирма сдерет три шкуры. И что за огромный метраж, подземные гаражи, парк и набережные надо ежемесячно платить.

Вот и стоит огромный дом полупустым, едва ли не забро-шенным.

Понятно, что это не трагедия — если у кого-то жемчуг мелок. Но первый раз я воочию убедился, что это по меньшей мере тра-гикомедия.

Сколько же всего человек реально живут в «Ассоли»? Если на ночной рев бас-гитары пришел только я один, а до этого странный бард совершенно спокойно шумел?

Один человек на этаж? Похоже, что и меньше...

Кто же тогда отправил письмо?

Я попробовал представить себе Ласа, маникюрными ножничками вырезающего буквы из газеты «Правда». Не получилось. Такой придумал бы что-нибудь позатейливее.

Я закрыл глаза. Представил, как серая тень от век ложится на зрачки. Потом открыл глаза и осмотрел квартиру сквозь Сумрак.

Ни малейших следов магии. Даже на гитаре — хотя хороший инструмент, побывавший в руках Иного или потенциального Иного, помнит его касание годами.

И синего мха, сумеречного паразита, жирующего на негативных эмоциях, тоже не наблюдается. Если хозяин квартиры и впал в депрессию, то делал это вне дома. Или — очень искренне и открыто веселился, выжигая этим синий мох.

Тогда я сел и принялся дорезать колбасу. На всякий случай проверив сквозь Сумрак, стоит ли ее вообще есть.

Колбаса оказалась хорошей. Гесеру не хотелось, чтобы его агент слег с отравлением.

— Вот это правильная температура, — извлекая из открытой бутылки винный термометр, сказал Лас. — Не передержали. А то охладят водку до консистенции глицерина, пьешь, будто жидкий азот глотаешь... За знакомство!

Мы выпили и закусили колбасой с сухариками. Сухарики принес Лас из моей квартиры — объяснив, что едой он сегодня совсем не озаботился.

— Весь дом так живет, — пояснил он. — Нет, есть, конечно, и такие, кому денег и на ремонт хватило, и на обстановку. Только представь, что за удовольствие жить в пустом доме? Вот они и ждут, пока мелкая шантрапа вроде нас с тобой ремонт закончит и заселится. Кафе не работают, казино пусто, охрана со скуки бесится... вчера двоих выгнали — устроили тут во дворе стрельбу по кустам. Говорили, что увидели что-то ужасное. Ну... их сразу к врачам. Оказалось и впрямь — оба ужасно обкурились.

С этими словами Лас достал из кармана пачку «Беломора». Хитро посмотрел на меня:

— Будешь?

Не ожидал я, что человек, с таким вкусом разливавший водку, балуется марихуаной...

Я покачал головой, спросил:

— И много куришь?

— Уже вторая пачка сегодня, — вздохнул Лас. И тут до него дошло. — Ты чего, Антон! Это «Беломор»! Это не дурь! Я раньше «Житан» курил, а потом понял — ведь ничем не отличается от нашего «Беломора»!

— Оригинально, — сказал я.

— Да при чем тут это? — обиделся Лас. — Вовсе я не оригинальничая. Вот стоит почему-то человеку стать иным...

Я вздрогнул, но Лас спокойно продолжал:

— ...не таким, как все, сразу говорят — оригинальничает. А мне нравится курить «Беломор». Через неделю надоеет — брошу!

— Нет ничего плохого в том, чтобы быть Иным, — бросил я пробный шар.

— Стать по-настоящему иным — сложно, — ответил Лас. — Вот я пару дней назад подумал...

Я снова насторожился. Письмо отправили два дня назад. Неужели все так удачно сложилось?

— Был в одной больничке, пока приема ждал — все прејскуранты перечитал, — не подозревая западни, продолжал Лас. — А у них там все серьезно, делают титановые протезы взамен утраченных конечностей. Кости берцовые, суставы коленные и тазобедренные, челюсти... Заплатки на череп вместо потерянных костей, зубы, прочая мелочь... Я достал калькулятор и посчитал, сколько стоит полностью заменить себе все кости. Оказалось — один миллион семьсот тысяч баксов. Но я думаю, что на таком оптовом заказе можно получить хорошую скидку. Процентом двадцать — тридцать. А если убедить врачей, что это хорошая реклама, так и в полмиллиона можно уложиться!

— Зачем? — спросил я. Спасибо парикмахеру, волосы у меня дыбом не встали — нечему было вставать.

— Так интересно же! — объяснил Лас. — Представь, надо тебе забить гвоздь! Ты размахиваешься и бьешь кулаком по гвоздю! И он входит в бетон. Кости-то титановые! Или тебя пытаются ударить... Нет, конечно, имеется ряд недостатков. Да и с искусственными органами пока плохо. Но общее направление прогресса меня радует.

Он налил еще по рюмке.

— А мне кажется, что прогресс в другом направлении, — продолжил я гнуть свою линию. — Надо полнее использовать возможности организма. Ведь сколько удивительного в нас скрыто! Телекинез, телепатия...

Лас погрустнел. Я тоже так мрачнею, наталкиваясь на идиота.

— Ты мои мысли прочесть можешь? — спросил он.

— Сейчас — нет, — признался я.

— Я думаю, что не надо придумывать лишних сущностей, — объяснил Лас. — Все, что человек может, давно уже известно. Если бы люди могли читать мысли, левитировать и прочую ерунду творить — имелись бы тому свидетельства.

— Если человек вдруг овладеет такими способностями, то он будет таиться от окружающих, — сказал я и посмотрел на Ласа сквозь Сумрак. — Быть настоящим Иным — значит вызывать зависть и страх окружающих.

Ни малейшего волнения Лас не обнаружил. Только скептицизм.

— И что же, чудотворец не захочет любимой женщине и детям такие же способности обеспечить? Постепенно они бы нас вытеснили как биологический вид.

— А если особые способности не передаются по наследству? — спросил я. — Ну или не обязательно передаются. И другому их передать тоже нельзя? Тогда будут независимо существовать люди и Иные. Если этих Иных немного, то они будут таиться от окружающих...

Дозоры

Сергей Лукьяненко • Сумеречный Дозор

— Сдается мне, что ты ведешь речь о случайной мутации, которая приводит к экстрасенсорным способностям, — рассудил Лас. — Но если эта мутация случайная и рецессивная, то никакого интереса для нас она не представляет. А вот титановые кости уже сейчас можно вмонтировать!

— Не надо, — буркнул я.

Мы выпили. Лас мечтательно произнес:

— Все-таки есть что-то в нашей ситуации! Огромный пустой дом! Сотни квартир — и в них живет девять человек... если вместе с тобой. Что тут можно творить! Дух захватывает! А какой фильм можно снять! Вот представь себе клип — роскошные интерьеры, пустые рестораны, мертвые прачечные, ржавеющие тренажеры и холодные сауны, пустые бассейны и затянутые пленкой столы в казино. И по всему этому великолепию бредет молоденькая девочка. Бредет и поет. Не важно даже что.

— Снимаешь клипы? — насторожился я.

— Да нет... — Лас поморщился. — Так... разок одной знакомой панковской группе помог клип снять. Его по MTV прокрутили, но потом запретили.

— А что там было ужасного?

— Ничего особенного, — сказал Лас. — Песня как песня, совершенно цензурная, даже про любовь. Видеоряд был странный. Мы его снимали в больнице для лиц с нарушениями двигательных функций. Поставили стробоскопы в зале, включили песню «Есаул, есаул, что ж ты бросил коня» и позвали больных — танцевать. Они и танцевали под стробоскоп. Как могли. А потом на эту картинку мы новый звуковой ряд положили. Очень стильно вышло. Но показывать это и впрямь нельзя. Нехорошо как-то.

Я представил себе «видеоряд» — и меня передернуло.

— Плохой из меня клипмейкер, — признался Лас. — Да и музыкант... Один раз мою песню по радио прокрутили, глубокой ночью, в передаче для всяких отморожков. Что ты думаешь? Тут же позвонил на радио известный композитор, сказал, что он всю жизнь своими песнями учил людей добру и вечному, но эта,

единственная песня, перечеркнула труд всей его жизни... Вот ты вроде одну песню услышал — она плохому учит?

— По-моему, она издевается, — сказал я. — Над плохим.

— Спасибо, — грустно сказал Лас. — Но ведь в чем беда — многие не поймут. Решат, что это всерьез.

— Так решат дураки, — попытался я утешить непризнанного барда.

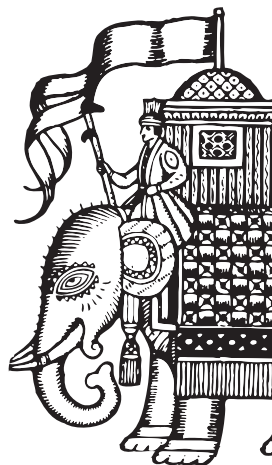
— Так их-то больше! — воскликнул Лас. — А протезы головы пока несовершенны...

Он потянулся за бутылкой, разлил водку, сказал:

— Ты заходи, если снова понадобится, не смущайся. А потом я тебе ключ от одной квартиры на пятнадцатом этаже достану. Квартира пустая, но унитазаы стоят.

— Хозяин против не будет? — усмехнулся я.

— Ему уже все равно. А наследники все никак поделить площадь не могут.

Глава 3

К себе я вернулся в четыре утра. Слегка пьяный, но на удивление расслабившийся. Все-таки настолько иные *люди* встречаются нечасто. Работа в Дозоре причает к излишней прямолинейности. Этот не курит и не пьет, он хороший мальчик. А этот ругается матом, он плохой. И ничего не поделывать, нас в первую очередь интересуют именно такие — хорошие как опора, плохие — как потенциальный источник Темных.

Но то, что люди бывают очень разными, мы как-то забываем...

Бард об Иных ничего не знал. В этом я был уверен. И если бы мне довелось вот так посидеть полночи с каждым обитателем «Ассоли» — я составил бы точное мнение о каждом.

Но подобных иллюзий я не строил. Не каждый предложит войти, не каждый станет разговаривать на отвлеченные темы. А ведь кроме десяти жильцов, есть еще сотни людей обслуживающего персонала — охранники, сантехники, рабочие, бухгалтеры. Мне не хватит никаких разумных сроков, чтобы проверить всех!

Умывшись в душевой кабине — в ней нашелся какой-то странный шланг, из которого можно было струйкой пускать воду, я вышел в свою единственную комнату. Надо поспать... а завтра с утра попытаться придумать новый план.

— Привет, Антон, — донеслось от окна.

Я узнал голос. И мне сразу стало тоскливо.

— Доброй ночи, Костя, — сказал я. Как-то неуместно прозвучало слово «доброй». Но пожелать вампиру злой ночи было бы еще глупее.

— Могу я зайти? — спросил Костя.

Я подошел к окну. Костя сидел на подоконнике спиной ко мне, свесив ноги вниз. Он был совершенно голый. Будто сразу демонстрировал — не по стене влез, а прилетел к окну огромной летучей мышью.

Высший вампир. В двадцать с небольшим лет.

Способный мальчик...

— Думаю, что нет, — сказал я.

Костя кивнул и не стал спорить:

— Как я понимаю, мы делаем одно дело?

— Да.

— Это хорошо. — Костя повернулся, белозубо улыбнулся. — Мне приятно с тобой работать. А ты и впрямь меня боишься?

— Нет.

— Я многому научился, — похвастался Костя. Совершенно как в детстве, когда заявлял: «Я страшный вампир! Я научусь оборачиваться нетопырем! Я научусь летать!»

— Ты не научился, — поправил я его. — Ты многое украл.

Костя поморщился:

— Слова. Обычная светлая игра словами. Вы позволили — я взял. Какие претензии?

— Будем пикироваться дальше? — спросил я. И поднял руку, складывая пальцы в знаке Атон, отрицании не-живого. Давно собирался проверить, работают ли древние североафриканские заклятия на современную российскую нечисть.

Костя с опаской посмотрел на незавершенный знак. То ли знал о таком, то ли повеяло Силой. Спросил:

— А тебе разрешено демаскироваться?

Я с досадой опустил руку.

- Нет. Но я могу и рискнуть.
- Не надо. Скажешь — сам уйду. Но сейчас мы делаем одно дело... надо поговорить.
- Говори, — подтаскивая к окну табуретку, сказал я.
- Значит, не впустишь?
- Не хочу оказаться ночью наедине с голым мужиком, — усмехнулся я. — Мало ли чего подумают. Излагай.
- Как тебе собиратель футболок?
- Я вопросительно посмотрел на Костю.
- Тот, с десятого этажа. Он футболки с забавными надписями собирает.
- Он не в курсе, — сказал я.
- Костя кивнул:
- Тоже так считаю. Тут заселены восемь квартир. Еще в шести жильцы появляются время от времени. В остальных — очень редко. Я уже проверил всех постоянных жильцов.
- Ну и?..
- Пусто. Они ничего не знают о нас.
- Я не стал уточнять, откуда у Кости такая уверенность. В конце концов, он Высший вампир. Такие способны входить в чужой разум с легкостью опытного мага.
- Остальными шестью займусь с утра, — сказал Костя. — Но особых надежд у меня нет.
- А предположения имеются? — спросил я.
- Костя пожал плечами:
- Любой здесь живущий имеет достаточно денег и влияния, чтобы заинтересовать вампира или оборотня. Слабенького, жадного... из новообращенных. Так что круг подозреваемых не ограничен.
- Сколько сейчас в Москве новообращенных низших Темных? — спросил я. И сам поразился тому, как легко у меня прозвучало «низших Темных».
- Раньше я никогда их так не называл.
- Жалел.

Костя на мою фразу отреагировал спокойно. И впрямь — Высший вампир. Сдержанный, уверенный в себе.

— Немного, — уклончиво сказал он. — Их проверяют, не беспокойся. Всех проверяют. И низших Иных, и даже магов.

— Завулон разволновался? — спросил я.

— Гесер тоже не образец спокойствия, — усмехнулся Костя. — Всем неприятно. Ты один легко относишься к ситуации.

— Не вижу особой беды, — сказал я. — Есть люди, знающие о нашем существовании. Их мало, но они есть. Еще один человек ситуации не меняет. Поднимет шум — мы его быстро локализуем и выставим психически больным. Такое уже...

— А если он станет Иным? — резко спросил Костя.

— Будет одним Иным больше. — Я пожал плечами.

— Если он станет не вампиром, не оборотнем, а настоящим Иным? — Костя оскалился в улыбке. — Настоящим? Светлым, Темным... не важно.

— Будет одним магом больше, — снова сказал я.

Костя покачал головой:

— Слушай, Антон. Я к тебе хорошо отношусь. До сих пор. Но иногда поражаюсь — какой же ты наивный...

Он потянулся — его руки стремительно обрастали короткой шерсткой, кожа темнела и грубела.

— Займись прислугой, — сказал Костя тонким, пронзительным голосом. — Что-то почуешь — звони.

Повернув ко мне искаженное трансформацией лицо, он снова улыбнулся:

— Знаешь, Антон, только с таким наивным Светлым и мог подружиться Темный...

Он прыгнул вниз, тяжело хлопнули кожистые крылья. Немного неуклюже, но все-таки быстро огромная летучая мышь полетела в ночь.

На подоконнике остался белый прямоугольник визитной карточки. Я поднял его, прочитал:

«Константин. Научно-исследовательский институт проблем крови, младший научный сотрудник».

Дальше шли телефоны — рабочий, домашний, мобильный. Домашний я даже помнил — Костя все еще жил с родителями. У вампиров семейные узы вообще крепки.

Что он имел в виду?

Откуда такая паника?

Я выключил свет, лег на матрас, посмотрел на сереющие квадраты окон.

«Если он станет настоящим Иным...»

Как появляются на свет Иные? Никто не знает. «Случайная мутация», как выразился Лас, вполне адекватный термин. Ты родился человеком, ты жил обычной жизнью... пока кто-то из Иных не почувствовал в тебе способность входить в Сумрак и качать оттуда Силу. После этого тебя «повели». Бережно, осторожно подводя к нужному состоянию духа — чтобы в момент сильного эмоционального волнения ты посмотрел на свою тень — и увидел ее по-другому. Увидел, что она лежит будто черная тряпица, будто завеса — которую можно потянуть на себя, отдернуть и войти в иной мир.

В мир Иных.

В Сумрак.

И оттого, каким ты впервые окажешься в Сумраке — радостным и добрым или несчастным и злым, — зависит, кем ты станешь. Какую Силу ты в дальнейшем будешь выкачивать из Сумрака... Сумрака, пьющего Силу из обычных людей.

«Если он станет настоящим Иным...»

Всегда есть возможность принудительной инициации. Но только через утрату жизни, через превращение в бодренький ходячий труп. Человек может стать вампиром или оборотнем — и будет вынужден поддерживать свое существование человеческими жизнями. Так что это путь для Темных... да и те не особо его любят.

А если и впрямь возможно стать магом?

Если существует способ любому человеку превратиться в Иного? Обрести долгую, очень долгую жизнь, необычайные возможности? Многие захотят, без сомнения.

Да и мы будем не против. Сколько на свете живет прекрасных людей, достойных стать Светлыми Иными!

Вот только и Темные начнут наращивать свои ряды...

Меня вдруг озарило. Беда не в том, что кто-то раскрыл человеку наши тайны. Беда не в возможности утечки информации. Беда не в том, что предатель знает адрес Инквизиции.

Это же новый виток вечной войны!

Уже столетия Светлые и Темные скованы Договором. Мы вправе искать среди людей Иных, вправе даже подталкивать их к нужной стороне... к той, которую считаем правильной. Но мы вынуждены просеивать тонны песка в поисках золотых песчинок. Равновесие сохраняется.

И вдруг — возможность разом превратить тысячи, миллионы людей в Иных!

Футбольная команда выигрывает кубок — и по десяткам тысяч ликующих людей проходит магический удар, превращая их в Светлых Иных.

А рядом Дневной Дозор отдает приказ болельщикам проигравшей команды — и те превращаются в Темных Иных.

Вот что имел в виду Костя. Огромное искушение разом изменить баланс сил в свою сторону. Конечно, и Темные, и мы понимаем последствия. Конечно, обе стороны заключат новые уточнения к Договору и ограничат инициацию людей какими-то приемлемыми рамками. Сумели же США и СССР ограничить гонку ядерных вооружений...

Я закрыл глаза и покачал головой. Как-то Семен рассказал мне, что гонку вооружений остановило создание абсолютного оружия. Двух — а больше и не надо — термоядерных зарядов, вызывающих самоподдерживающуюся реакцию ядерного синтеза. Американский заложен в Техасе, российский — в Сибири. Достаточно подорвать хотя бы один — и вся планета превратится в огненный шар.

Другое дело, что нас такой расклад не устраивает. И поэтому оружие, которое никогда не должно быть использовано, никогда не работает. Президентам про это знать не обязательно, они все-го лишь люди...

Возможно, что и у руководства Дозоров есть подобные «магические бомбы»? Потому Инквизиция, допущенная к тайне, так остро следит за соблюдением Договора?

Может быть.

Но все равно лучше бы обыкновенных людей нельзя было инициировать...

Даже в полусне я болезненно скривился от собственной мысли. Это что же, значит, я стал думать, как полноценный Иной? Есть Иные, а есть люди — они второго сорта. Им никогда не войти в Сумрак, они не проживут больше сотни лет. Ничего не поделаешь...

Да, я стал думать именно так. Найти хорошего человека с задатками Иного, привлечь его на свою сторону — это радость. Но делать Иными всех подряд — мальчишество, опасная и безответственная блажь.

Есть повод для гордости. Мне не потребовалось и десятка лет, чтобы окончательно перестать быть человеком.

Утро для меня началось с постижения тайн душевой кабины. Разум победил бездушное железо, я вымылся, и даже под музыку, а потом соорудил себе завтрак из сухариков, колбасы и йогурта. При свете солнца у меня поднялось настроение, я уселся на подоконник и позавтракал с видом на Москву-реку. Почему-то вспомнилось, как Костя признался, что вампиры не могут смотреть на солнце. Солнечный свет их вовсе не обжигает, но становится неприятным.

Но вдаваться в печальные размышления о судьбе моих старых знакомых не было времени. Надо было искать... кого? Иного-предателя? Для этого у меня не самая лучшая позиция. Его клиента-человека? Долгое и мутное дело.

Хорошо, решил я. Будем действовать по строгим законам классического детектива. Что у нас есть? А есть у нас улика. Письмо, отправленное из «Ассоли». Что это нам дает? Ничего не дает. Разве что кто-нибудь видел, как три дня назад отправляли письмо. Мало шансов, что вспомнят, конечно...

Какой же я дурак! Я даже хлопнул себя по лбу. Разумеется, Иному забыть о современной технике не зазорно, не любят Иные сложную технику. Но я-то железячник!

Территория «Ассоли» вся контролируется видеокамерами!

Я надел костюм и повязал галстук. Брызнулся одеколоном, который мне вчера выбрал Игнат. Опустил телефон во внутренний карман... «мобильники на поясе носят мальчишки и продавцы!», как поучал меня вчера Гесер.

Мобильник тоже был новый, непривычный. В нем были какие-то игры, встроенный плеер, диктофон и прочая совершенно ненужная в телефоне ерунда.

В прохладной тишине новенького «Отиса» я спустился в вестибюль. И сразу же увидел своего ночного знакольца — вот только выглядел он более чем странно...

Лас, одетый в новенький синий комбинезон с гордой надписью «Ассоль» на спине, что-то объяснял смущенному пожилому мужчине в таком же комбинезоне. До меня донеслось:

— Это тебе не метла, понимаешь? Там стоит компьютер, он показывает уровень загрязнения асфальта и давление моего раствора... Сейчас покажу...

Ноги сами понесли меня вслед за ними.

Во дворе, перед входом в подъезд, стояли две ярко-оранжевые уборочные машины — с бачком воды, круглыми щетками, маленькой стеклянной кабиной водителя. Было в машинках что-то игрушечное, будто приехали они прямиком из Солнечного Города, где веселые малыши и малышки радостно чистят свои миниатюрные проспекты.

Лас ловко забрался в кабину одной из машин, следом наполовину всунулся пожилой мужчина. Что-то выслушал, кивнул и пошел ко второму оранжевому агрегату.

Дозоры

Сергей Лукьяненко • Сумеречный Дозор

— А будешь лениться — так и проходишь всю жизнь в младших дворниках! — донесли до меня слова Ласа. Его машина тронулась, бодро завертела щетками и принялась кружить по асфальту. И без того чистый двор на глазах приобретал стерильный вид.

Вот это да!

Он что, дворником в «Ассоли» работает?

Я попытался тихонько уйти назад, чтобы не смущать человека. Но Лас меня уже заметил и, радостно махая рукой, подъехал ближе. Щетки принялись работать тише.

— С добрым утречком! — крикнул Лас, высовываясь из кабины. — Хочешь прокатиться?

— Так ты здесь работаешь? — спросил я. У меня вдруг стали вырисовываться в сознании самые фантастические картины — вроде того, что Лас вовсе не живет в «Ассоли», а просто занял на время пустую квартиру. Ну не будет же обитатель таких хором чистить двор!

— Подрабатываю, — спокойно пояснил Лас. — Знаешь, очень клево! Часок утром поездишь по двору — вместо зарядки, а тебе еще и зарплату платят. Между прочим, неплохую!

Я безмолвствовал.

— Ты на аттракционах в парке любишь кататься? — поинтересовался Лас. — На всех этих багги, где за три минуты десять долларов надо платить? А тут деньги платят тебе. За твое же собственное удовольствие. Или, допустим, компьютерные игры... сидишь, дергаешь джойстик...

— Все зависит от того, заставляют ли тебя красить забор... — пробормотал я.

— Верно! — обрадовался Лас. — Вот меня — не заставляют. Мне двор убрать — в радость, как Льву Толстому сено покосить. Только за мной перемывать не надо — в отличие от графа, за которым крестьяне докашивали... я тут вообще на хорошем счету, регулярно премию получаю. Так что, кататься будешь? Я тебя и пристроить могу, если что. Профессиональные дворники никак не могут с этой техникой разобраться.

— Подумаю, — сказал я, разглядывая бодро крутящиеся щетки, брызгающую из никелированных сопел воду, сверкающую кабину. Кто из нас в детстве не хотел стать водителем поливальной машины? В раннем детстве, когда еще не мечтают о работе банкира или киллера...

— Ну смотри, а то мне работать надо, — дружелюбно сказал Лас. И машинка поехала по двору, сметая, смывая и всасывая грязь. Из кабины донеслось:

Поколение дворников и сторожей
Потеряло друг друга в просторах бесконечной зимы...
Все разошлись по домам.
В наше время, когда каждый третий — герой,
Они не пишут статей,
Они не шлют телеграмм...

В некотором ошеломлении я вернулся в вестибюль. Узнал у охраны, где располагается собственное почтовое отделение «Ас-соли». Отправился туда — почта работала. В уютном зале скучали три девочки-сотрудницы, стоял там и тот самый почтовый ящик, в который опустили письмо.

Под потолком поблескивали глазки видеокамер.

Все-таки не помешали бы нам профессионалы-следователи. Им бы сразу пришла эта мысль.

Я купил открытку — цыпленок, прыгающий в лотке инкубатора, и готовая надпись: «Скучаю по семье!» Не очень-то весело, но я все равно не помнил почтовый адрес деревни, где отдыхала моя семья. Так что открытку, злорадно улыбаясь, я отправил домой Гесеру — его адрес мне был известен.

Поболтав немножко с девчонками — работа в таком элитном доме и без того обязывала их быть вежливыми, но ко всему они еще и скучали, — я вышел из почтового отделения.

И пошел в отделение охраны на первом этаже.

Имей я право воспользоваться способностями Иного, я бы просто внушил охране симпатию к себе и получил доступ ко всем

видеозаписям. Но демаскироваться я не мог. И потому решил воспользоваться самым универсальным источником симпатии — деньгами.

Из выданных мне денег я набрал рублями сотню долларов — ну куда уж больше, верно? Зашел в дежурку — там скучал молодой парень в строгой форме.

— День добрый! — приветствовал я его, лучезарно улыбаясь.

Всем своим видом охранник изобразил полную солидарность с моим мнением о сегодняшнем дне. Я покосился на мониторы перед ним — туда шло изображение не менее чем с десятка телекамер. И наверняка он может вызвать повтор любого момента. Если изображение пишется на винчестер (а куда же еще?), то запись трехдневной давности могли еще не перевести в архив.

— У меня проблема, — сообщил я. — Мне вчера пришло забавное письмо... — я подмигнул, — от какой-то девицы. Она здесь и живет, как я понимаю.

— Письмо с угрозами? — насторожился охранник.

— Нет-нет! — запротестовал я. — Наоборот... Но таинственная незнакомка пытается сохранить инкогнито. Можно было бы посмотреть, кто три дня назад отправлял с почты письма?

Охранник задумался.

И тут я все испортил. Положил деньги на столик и сказал с улыбкой:

— Я был бы вам очень благодарен...

Парень сразу окаменел. Кажется, что-то нажал ногой.

И через десять секунд двое его коллег, очень вежливых, что смешно выглядело при их габаритах, настоятельно предложили мне пройти к начальству.

Все-таки есть разница, и серьезная, между общением с государственными чиновниками и частной охранной фирмой...

Интересно было проверить, поведут ли меня к начальству силой. Все-таки это не милиция. Но я предпочел не накалять обстановку и подчинился конвою в штатском.